

Николай Сетницкий и Александр Чаянов: об идеалах, эксплуатации, некапиталистических системах и регуляции природы¹

А. М. Никулин

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; 119571 Москва, пр. Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Аннотация. В статье с применением сравнительного биографического метода рассматриваются и анализируются социально-философские и политэкономические взгляды, а также междисциплинарное интеллектуальное наследие замечательных российских ученых Н. А. Сетницкого и А. В. Чаянова по вопросам идеалов общественного развития, характеристикам капиталистических и некапиталистических экономических систем, проблемам регуляции взаимоотношений человека и природы с учетом особенностей исторического времени 1920–1930-х годов. Отмечаются принципиальные мировоззренческие особенности «аграрника-релятивиста» Чаянова и «космиста-апокалиптика» Сетницкого, заложенные в основания их теоретико-методологических подходов к познанию и преобразованию действительности. Особое внимание уделяется сравнительной аналитической оценке утопических и футурологических прогнозов и проектов обоих ученых. В заключении делаются выводы о значении интеллектуального наследия Сетницкого и Чаянова для исследования современных политических, экономических и экологических проблем России и мира.

Ключевые слова: Сетницкий Н. А., Чаянов А. В., капитализм, некапиталистические системы, город, село, эксплуатация, природа, утопия, космизм

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-3-47-72

Николай Сетницкий и Александр Чаянов: 1888–1937, сравнительные хроники жизни

В своей жизни замечательные российские ученые Николай Александрович Сетницкий и Александр Васильевич Чаянов оказались ровесниками не только по годам рождения, но и смерти. Чаянов, родившись 29 января 1888 года и расстрелянный 3 октября 1937 года, прожил лишь на 10 месяцев дольше Сетницкого, родившегося 12 декабря 1888 года и расстрелянного 4 ноября 1937 года.

Но по биографическим событиям работы и творчества, а также местам проживания их судьбы основательно различались. Чаянов

---

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

был москвичом. От рождения и до политической высылки из столицы в 1930-е годы его жизнь была в значительной степени связана с Москвой. Родившийся в московской купеческой семье, учившийся в московской гимназии, в Московском сельскохозяйственном институте (Петровской (Тимирязевской) академии), став там полным профессором, заведующим кафедрой, директором Института сельскохозяйственной экономики, лидером так называемой организационно-производственной школы, экономист Чаянов даже в своих гуманитарных, историко-культурных занятиях был часто увлечен историей, современностью, будущностью именно Москвы. В его исторических, художественных, футуристических произведениях Москва почти всегда в фокусе внимания и эпицентре событий. Хотя, конечно, ему пришлось побывать, поучиться, поработать в разных городах и странах. Еще будучи аспирантом перед Первой мировой войной, он путешествовал по Германии, Бельгии, Франции, Италии, Швейцарии, пройдя в это время и стажировку в ведущих центрах аграрно-экономического знания германских и французских университетов. А после Революции и Гражданской войны, в 1920-е годы, уже как ведущий советский эксперт-экономист Чаянов опять бывал в странах Европы, включая и Англию.

Собственно, в России ему довелось работать в революционном Петрограде 1917 года, в составе комиссий Временного правительства, принимая самое деятельное участие в разработке проектов российских аграрных реформ, дослужившись до поста товарища (заместителя) министра земледелия за месяц до большевистского переворота. Конечно, и до Революции, и после Чаянов по своей научно-педагогической деятельности бывал в различных городах Российской империи и Советского Союза — от Русского Севера до Средней Азии. В 1930 году по обвинению в создании контрреволюционной Трудовой крестьянской партии Чаянов был брошен в тюрьму. К середине 1930-х он оказался в казахстанской ссылке в Алма-Ате, где во время Большого террора был вновь арестован и расстрелян по обвинению в шпионаже в пользу Англии.

География мест жизни и работы Николая Сетницкого выглядит менее цельной, более драматически причудливой и прихотливой. Он родился в городе Ольгополе Подольской губернии в семье русского чиновника, служившего фабричным инспектором в городах Польши, от Лодзи до Варшавы. Детство и юность его были менее обеспечены, чем у Чаянова. Поступив в Петербургский университет на отделение восточных языков, он по просьбе родителей перевелся на юридический факультет, по окончании которого поступил на службу в Министерство торговли и промышленности. В 1915 году был призван на фронт Первой мировой войны (Чаянов в этом же году мог быть призван в армию, но все же остался при кафедре). Демобилизованный из-за травмы в революционном 1917 году Сетницкий оказывается в Одессе, где в годы Гражданской войны

работает по статистической части, дослужившись к окончанию Гражданской войны до должности заведующего Одесским губернским статистическим бюро. А во время Гражданской войны даже попадает более чем на год в плен к петлюровцам, претерпев опасные испытания в духе пастернаковского доктора Живаго.

К середине 1920-х годов Сетницкий оказался на пару лет в Москве, где работал в основном по научно-статистической части в различных советских учреждениях. Затем на целое десятилетие он отправился на Дальний Восток в Харбин на службу в экономическом бюро КВЖД, работая и преподавателем на юридическом факультете в Харбине. Во второй половине 1930-х годов, когда КВЖД полностью переходит под контроль Маньчжоу-Го и Японии, Сетницкий возвращается в Москву. Там ему не сразу (сначала пришлось послужить экономистом в плановом отделе Московско-Казанской железной дороги), но все же удается наконец-то приступить к исключительно научной работе в Институте мирового хозяйства и мировой политики. Впрочем, вскоре Сетницкий был арестован и расстрелян по обвинению в шпионаже в пользу Японии.

По мрачной иронии москвича Чаянова убили в глубине Азии, а дальневосточника Сетницкого — в Москве.

Экономисты и идеалы

Принято считать, что экономисты, в силу своих преимущественно счетоводно-калькулирующих занятий, связанных с рациональным выбором и оптимизацией текущей хозяйственной деятельности, имеют мало времени и желания заниматься всякого рода метафизическими вопросами смысла и перспектив существования рода человеческого. Такие экзистенциальные заботы традиционно полагается оставлять философам, иногда историкам, социологам и, конечно, поэтам.

В случае с Сетницким и Чаяновым, при всем уважении к их профессиональным компетенциям экономистов, мы должны подчеркнуть присущий им обоим междисциплинарно-энциклопедический характер личного знания. И так же как по прошествии времени экономические сочинения Карла Маркса в большей степени интересуют нас с их социально-философской, чем с конкретно-эмпирической стороны, так и именно социально-философское наследие экономистов Чаянова и Сетницкого все более актуализируется в наше время.

Как экономист Сетницкий опубликовал почти полсотни экономико-статистических работ, включая целую монографию про сою на мировом рынке (Сетницкий, 1930). У Чаянова экономических в узком смысле слова публикаций более сотни. Рынки сои он не исследовал, зато достаточно много занимался, например, в отраслевом разрезе экономикой льноводства, сахарной свеклы,

хлопка и так далее². В институциональном отношении Чаянов много и плодотворно изучал экономику крестьянских домохозяйств и кооперации, а также крупных коллективных и государственных аграрных предприятий.

При этом надо подчеркнуть, что как экономисты Сетницкий и Чаянов были не только статистиками-отраслевиками-плановиками, но и политэкономами. В своих сочинениях они исследовали многие фундаментальные категории и тенденции экономической жизни общества, связанные с понятиями эксплуатации и экологии, труда и капитала, стихийности и планомерности, анархии и государства, капитализма и социализма.

А в целом они занимались не только экономикой. Сетницкий публиковал работы в области философии и религиоведения, истории и литературоведения. У Чаянова не найдешь чисто философских, тем более религиозных сочинений, но им были также написаны исторические и искусствоведческие работы. Наконец, Сетницкий и Чаянов проявили себя как даровитые писатели и поэты. Безусловно, оба были замечательными футурологами. Анализу их футурологических идей и посвящена эта статья.

Возвращаясь к характеристике Сетницкого и Чаянова как ученых-экономистов, надо подчеркнуть, что Чаянов в своей карьере сполна реализовался именно как академически-университетский экономист широкого профиля. В этой связи ему в значительной степени была присуща и глубина познаний как в классических, так и новейших течениях экономической российской и западной экономической мысли. Сетницкий не получил специального экономического образования, тем не менее его работа в различных экономических организациях была достаточно интенсивно связана с теоретической университетско-преподавательской и научно-исследовательской деятельностью.

Обращаясь к характеристикам мировоззрения Сетницкого и Чаянова, необходимо подчеркнуть, что они оба являлись яркими представителями культуры Серебряного века. Чаянов с юности оставался поклонником идейно-эстетического направления «Мира искусства». Сетницкий в годы своей молодости был участником петербургского интеллектуального кружка профессора Рейснера, издававшего журнал «Рудин».

Революция оказала огромное влияние как на Чаянова, так и на Сетницкого. Чаянов проявил себя в ней сполна и как незаурядный экономический политик, которому порой по работе

---

2. См., например: *Чаянов А. В.* (1918). Русское льноводство, льняной рынок и льняная кооперация. М.: Центральное товарищество льноводов. *Чаянов А. В.* (1927). К вопросу о себестоимости хлопка-сырца в хозяйствах Средней Азии // Вопросы хлопковой экономики: Сборник статей. М.; Л.: Промиздат. *Чаянов А. В.* (1928). Себестоимость сахарной свеклы. М.: Правление Сахаротреста.

напрямую приходилось контактировать с вождями революции Черновым, Лениным, Калининим, Молотовым. В конце концов в ряде своих исследований он предложил Русской революции так называемую чайновскую крестьянско-кооперативную альтернативу развития советской экономики. Ее, и тому есть свидетельства, имел в виду Ленин при разработке и реализации новой экономической политики.

Оказавшись в революционной Одессе, Сетницкий участвовал в заседаниях ХЛАМа — объединения художников, литераторов, артистов, среди которых были Э. Багрицкий, В. Катаев, И. Ильф, Ю. Олеша, Г. Шенгели. Там же он познакомился и подружился на всю жизнь с религиозным философом и поэтом А. Горским, через которого стал верным и замечательным последователем «Философии общего дела» космиста Николая Федорова.

В результате Сетницкий принялся за разработку специального социально-экономического сочинения «Эксплуатация или регуляция», в котором предпринималась попытка создания своеобразной политической экономии русского космизма. Работавший над этим, возможно, главным трудом своей жизни урывками, озабоченный зарабатыванием хлеба насущного, а также участием в иных важных интеллектуальных проектах, Сетницкий по мотивам своего задуманного научного труда опубликовал с 1926 по 1933 год три объемных статьи (Сетницкий, 1926).

Другая фундаментальная, уже социально-философская и религиозная работа Сетницкого «О конечном идеале» вышла в свет в 1932 году (Сетницкий, 1932). Она чрезвычайно важна для понимания не только жизненного кредо автора, но и фактически для прояснения теоретико-методологических оснований его подхода к постижению и преобразованию окружающей действительности.

Дискуссия о возможных идеалах развития общества была чрезвычайно актуальной в первой трети XX века в российской и европейской культуре. В первой, полемической части своей книги Сетницкий сосредоточился на критике двух, безусловно, ярких сочинений либерала П. Н. Новгородцева и национал-большевика Н. В. Устрялова. Оба автора разных мировоззрений, одинаково скептически относились к идее обоснования и реализации некоего конечного, самого совершенного, прогрессивного идеала развития общества, подвергая впечатляющей критике соответствующие концепции конечных идеалов коммунистов, анархистов, а также теологов. Оба отмечали роковое искажение всякого идеала в попытках реального его воплощения в жизнь. Оба полагали, что будущее в значительной степени неопределенно, трагично, непредсказуемо, поэтому проблематично навязывать ему некий самый конечный и совершенный образ, стремиться во что бы то ни стало воплотить его в жизнь из-за непременных роковых просчетов, провалов, несовершенств очередного конечного идеала. Или как писал сам Устрялов в своей критике теорий оптимистического прогресса, ссылаясь на Новгородцева: «В русской социально-философской литературе

последних десятилетий немало писалось об “утопиях земного рая”. Наибольшей прославленностью отмечено соответствующее исследование П. И. Новгородцева “Об общественном идеале”. Критический вывод автора достаточно известен: “надо отказаться от надежды в близком или отдаленном будущем, достигнуть такой блаженной поры, которая могла бы явиться счастливым эпилогом пережитой ранее драмы, последней стадией и заключительным периодом истории”. Прогресс бесконечен, и никогда человечество не повторит знаменитое фаустовское восклицание: “остановись, мгновенье, ты прекрасно!”» (Устрялов, 1931: 14).

Именно с подобного рода утверждениями Сетницкий и был категорически не согласен. В своем исследовании «О конечном идеале» он разработал специальную концепцию дробных идеалов — несовершенных и частных, в которых, как правило, не ставится вопрос о финале человеческой истории. Как писал Сетницкий: «Кроме того, все дробные идеалы за исключением религиозных отводят от себя самую постановку вопроса о конце, скрывая свое отношение к основному вопросу о жизни и смерти. Можно утверждать, что все вообще дробные идеалы молчаливо признают смерть как последний конец...» (Сетницкий, 2010: 134).

В этом отношении, по мнению Сетницкого, Новгородцев и Устрялов высказывали свой скепсис прежде всего по поводу дробных идеалов. Но такого рода идеалы подвергал критике и сам Сетницкий. Что касается конечного и действительно совершенного идеала, то, утверждал Сетницкий, его обоснование и пути к его осуществлению были представлены именно в учении общего дела Николая Федорова, через объединение усилий всего человечества в преодолении смерти и воскрешении всех умерших поколений.

А как дела с идеалами обстояли у экономиста Чаянова? Специальных работ о прогрессе он не писал, но создал одно небольшое литературное произведение — утопию, где в художественно-ироничной форме попробовал высказать свое видение проблем прогресса и идеалов. Его утопия начинается с размышлений главного героя — коммуниста, руководителя одного из подразделений Мирсовнархоза, руководящего аппарата победившей мировой революции, — как раз об идеалах и утопиях. Этот персонаж честно признается самому себе, что после победы мировой революции не настало рая на Земле (приходится даже ему на черном рынке добывать масло и кофе), но, кажется, история кончилась и ее новых возмущений не будет: «Новое восстание. Где же оно? И во имя каких идеалов? — думалось ему. — Увы, либеральная доктрина всегда была слаба тем, что она не могла создать идеологии и не имела утопий”.

Он улыбнулся с сожалением. О вы... Новгородцевы... какую же утопию вы начертаете на ваших знаменах?! Что, кроме мракобесия капиталистической реакции, имеете вы в замену социалистического строя?! Я согласен, мы живем далеко не в социалистическом раю, но что вы дадите взамен его?» (Кремнев [Чаянов], 1981: 21).

А далее герой все же попадает в новую утопию — чаяновскую крестьянско-кооперативную — очень привлекательную своим материальным, но главное, рафинированно культурным изобилием, впрочем, также не совсем совершенную, тем более вокруг нее на Земле существуют другие утопические страны.

Говоря языком Сетницкого, в своем произведении Чаянов лишь создал композицию новых drobных утопических идеалов. И это, пожалуй, действительно так. В чаяновской утопии говорится о том, что прогресс человеческой этики если и совершается, то очень медленно — со скоростью геологических процессов. В чаяновской утопии с почтением и заботой упоминаются пантеоны, кладбища, но смерть в этой утопии не побеждена, федоровский вопрос о ее преодолении никак не ставится. Дух этой утопии скорее соответствует устряловскому утверждению: «В этой жизни — сплошные гнезда антиномий, клубки тупиков, конфликты ценностей. Прозрачен и чист логический облик идеала, как формального принципа, — тернист реальный жизненный путь. И при этом, в каком-то смысле, тернистость реального жизненного пути — совершеннее и выше логической непогрешимости идеала (как идеала)» (Устрялов, 1931: 18).

Но в чем, пожалуй, идеалы Сетницкого и Чаянова совпадали, так это в утверждении, что господствовавший уже в их время капиталистический экономический порядок является отнюдь не идеалом. По их мнению, капитализм должен и может быть преодолен. Оба автора сформулировали свое видение капитализма как экономической системы, оба разрабатывали концепции иных, некапиталистических систем существования человечества.

Капитализм, эксплуатация и проектирование некапиталистических систем

Капитализм, как правило, ассоциируется с понятием эксплуатации. Критики капитализма настаивают на особо изощренном системно-всеохватывающем характере эксплуатации при капитализме. Сторонники капитализма если и признают сам факт капиталистической эксплуатации, то, как правило, непременно возражают, что бывают ведь эксплуатации и похуже капиталистической — при рабовладении, феодализме, а также при тоталитарном коммунистическом строе. В сравнении с перечисленными вариантами некапиталистических эксплуатаций, с такой прокапиталистической точки зрения, в некоторых случаях капиталистическая может оказаться почти что благом.

Николай Сетницкий прояснению всех этих вопросов посвятил две свои работы «Капиталистический строй в изображении Н. Ф. Федорова» (1926) и «Эксплоатация» (1928).

Первая являет собой ясное и аккуратное обозрение федоровских сочинений, в которых рассматривается проблематика капитализма.

Здесь Сетницкий с федоровской точки зрения доказывает, что, по своей сути, господствующее в современном мире третье сословие — буржуазия в создаваемых ею все более привлекательных и роскошных витринах потребления разнообразных выставок, ассамблей и т. д. стимулирует человечество к бесконечному удовлетворению желаний наслаждения, из которых самым глубинным (здесь, возможно, точки зрения Федорова и Фрейда совпадают) является страсть полового удовлетворения. Это бесконечное педалирование стремления ко все увеличивающимся потребительским наслаждениям достигается ценой хищнического разграбления мира и общества на путях конкурентной розни, «войны всех против всех». При этом роскошно-привлекательные витрины буржуазного образа жизни воздвигнуты на бедных и уродливо-грязных основаниях жизни фабрично-заводской, где четвертое сословие — пролетариат после тягот своих трудовых дней также стремится оттянуться в наслаждении по выходным — в сексе для бедных и небогатых — среди кабаков и публичных домов.

Но эксплуатация городской фабричной жизни покоится на еще более глубоко и фундаментальном основании — эксплуатации городом села — эксплуатации пятого сословия, крестьянства. С федоровской точки зрения, город по отношению к селу ведет себя как хищник по отношению к травоядному, именно в сельско-городском неравенстве гнездятся корни самой глубинно бессовестной всемирной эксплуатации.

В этой картине мира, впрочем, имеется еще особое, промежуточное — ученое сословие университетов и академий. В основном оно, исходя из своих корпоративных интересов, во-первых, поддерживает статус разделения этого мира на людей ученых и неученых, а во-вторых, стремится добывать как в естественных, так и в гуманитарных науках знания в поддержку дальнейшего господства буржуазии, находясь фактически у нее на службе и содержании.

Из подобного рода картины следует такое федоровско-сетницкое заключение: «Построенное по образцу организма, капиталистическое общество хищнически-паразитарное по своей природе, замкнуто в круге безысходных противоречий, угрожающих ему извне и изнутри. Гнет и рознь, характерные черты его, с течением времени не только не смягчаются, но принимают все новые и новые формы. Конечное завершительное устремление этого строя есть смерть, и сам он представляется самому себе на своей социальной вершине и в качестве осуществляемого идеала: брачным торжеством и пиршеством, праздником непрерывным и вечным, постоянной ярмаркой и развлечением, но в то же время извне все это является пиром смерти, непрекращаемой борьбой и схваткой противоборствующих, неразумно-влекущихся к столкновению слепых стихий, укорененных в среде самого человечества» (Сетницкий, 1926: 14).

Далее Сетницкий утверждает, что такой строй погибнет от своей неуклонной хищнической эксплуатации природы, а также беспрестанного внесения борьбы и разлада в человечество. Впрочем, капитализм даже может погибнуть, потому «...что, будучи паразитарно-хищническим по своей природе, он должен будет отступить перед строем принципиально хищническим» (Там же).

Это загадочно-пророческое утверждение Сетницкий более основательно прояснит уже в другой своей работе «Эксплуатация». Понятию «эксплуатация» Сетницкий придает принципиально фундаментальное значение, утверждая, что именно она является настоящей основой жизни хозяйствующего человечества в его отношениях с природой вообще и с собственной человеческой природой в особенности.

При этом в человеческой истории Сетницкий специально различает периоды докапиталистической и капиталистической эксплуатации. И до капитализма человек, оставаясь хищником, жил, паразитируя на дарах природы, но делал он это «с оглядкой», с ощущением своих кровнородственных уз с природой, опасаясь при этом, что «природа-мать» может покарать его за неразумное, излишне жадное потребление ее так называемых даров. Вот почему во всех традиционных обществах бытовала идеология уважительно-просительного отношения к «землекормилице». Все традиционные хозяйственные системы в той или иной степени существовали в паразитарно-хищническом симбиозе с природой, при этом стараясь соблюдать, не нарушать определенный баланс получения «даров» природы от такого симбиоза, опасаясь, что в случае излишней человеческой жадности эти «дары» оскудеют и положат предел относительно устойчивому существованию локальных традиционных сообществ.

Поэтому экономика докапиталистических обществ, по Сетницкому, существовала в условиях еще своеобразной кровнородственной примитивной, наивной эксплуатации, а вот основа современной экономики есть принципиальная эксплуатация без сантиментов.

Ибо человек новой капиталистической эпохи, утверждает Сетницкий, коренным образом переменяет свое отношение к природе. Он активно и безжалостно отнимает у природы все ему необходимое. Природа ему уже не мать. В результате современный человек в своем отношении к природе или ее боится и ненавидит, или вообще относится к ней безразлично. Теперь нормой поведения становятся неприкрытые насилие, захват и добыча. Человек все далее отделяется от природы в создаваемой искусственной среде за стенами городов с их машинно-автоматическим существованием. В итоге: «...не равенство, а борьба, не “дар”, а насилие и кражи. Таково отношение современного человечества ко всему, что и внутри его и что вне его» (Сетницкий, 2010: 537).

Сетницкий в «Эксплуатации» много размышляет над сутью человека как хищника не только по отношению к природе,

но и по отношению к себе подобным, к самому обществу. Он отмечает, почти в духе художественных миров Джека Лондона, что подобного рода хищничество формирует своеобразную общественную иерархию, в которой большие и малые «хищники» борются меж собой, а также за возможность эксплуатации относительно «травоядных» особей.

Так что же такое «эксплуатация» по Сетницкому? На страницах своего исследования он неоднократно и подробно характеризует эксплуатацию в следующих утверждениях: «Эксплуатацию мы будем иметь тогда, когда выделивший себя из природной среды человек индивидуально или коллективно противопоставляет себя ей и в то же время ставит себя к ней в такое отношение, при котором себя он расценивает как нечто возвышающееся над нею и в известном смысле самоцельное. Соответственное отношение его к среде построено на принципе субординации среды человеку во всех ее элементах...

Все, что не “я”, все это мне должно быть подвластно или может быть подчинено и покорено...

Все, что существует, есть предмет для такого воздействия человека: и природа, и люди как единицы, и само общество как целое, и даже сам человек как предмет собственной эксплуатации. Выражение: “эксплуатировать себя”, “свои способности” и т.п. — выражение нередкое для нашего времени» (Там же: 543).

Отметим, что это понятие «эксплуатации» как человеческого «выделения» себя от природы и людей отчасти схоже с понятием «отчуждения», также важнейшим основанием для марксистского понятия «эксплуатация».

В отношениях эксплуатации Сетницкий выделял и анализировал оттенки паразитизма и хищничества. Он определял паразитизм «...как пользование даровым, в противоположность трудовому как самостоятельному, действительному напряжению, преодолевающему и видоизменяющему соответственную среду» (Там же: 544). Особенность же хищничества заключается в его активности: «...хищник не ждет и получает, а идет и добывает» (Там же). Иными словами, хищничество есть специфическое поведение паразита, активно движущегося в поисках питания для своего существования.

Но что в таком случае представляют собой отношения не «эксплуатации», где пределы этой самой «эксплуатации»? Сетницкий следующим образом отвечает на эти вопросы:

«Условия сотрудинчества, кооперации, обменного симбиоза и взаимодействия создают условия не только “взятия”, но и “отдачи”, отсюда человек даже на природу перенес функцию отдачи, говоря о “дарах” матери-природы...

В понятии “отдачи” лежит предел эксплуатации. Вся система социально-хозяйственных отношений представляет не что иное, как совокупность разнообразных отношений по “получению” и “отдаче”. Отношения эксплуатации всегда разлагаются на какие-то “получения” и “отдачи”» (Сетницкий, 2010: 546).

Таким образом, «эксплуатация» есть процесс последовательного преобладания «получений» над «отдачами», лежащий в основе всех до сих пор существующих хозяйственных систем. Размышление над феноменом хозяйственных систем, опыты их некоторой классификации мы также обнаруживаем у Сетницкого, утверждающего, что мир этот лежит во зле паразитарно-хищнических эксплуатаций: «Всюду, где наблюдается попытка взять возможно больше и отдать возможно меньше, мы всегда приходим к паразитарно-хищническим отношениям в социальной среде. От чистого хищничества: грабеж, кража, мошенничество, захват тех или иных благ, вплоть до получения нетрудового дохода, до получения избыточной прибыли и прибавочной ценности, мы можем протянуть непрерывный ряд хищнически-паразитарных отношений в современном обществе» (Там же).

Классификация Сетницким хозяйственных систем изначально основывается на различении так называемых «наивных» и «принципиальных» систем эксплуатации.

К наивным, то есть докапиталистическим, Сетницкий относит системы: «...патриархально-земледельческого строя, скотоводческие и охотничьи организации хозяйства, близкие к формам так называемого первобытного коммунизма. К этим же группам должны быть отнесены феодально-земледельческий и цехово-ремесленный типы и другие промежуточные формы хозяйства» (Там же: 549).

Принципиальными системами эксплуатации, по Сетницкому, являются капиталистическая и еще только нарождающаяся в XX веке, некапиталистическая система так называемого социализма или коммунизма³. Примечательно, что в понятия «наивное» и «принципиальное» Сетницкий не только по Федорову, но даже, кажется, по Достоевскому привносит рационально-этическую оценку эксплуатации в духе раскольниковского императива из «Преступления и наказания». Наивные хозяйственные системы в своем осознании эксплуатации числят себя «тварями дрожащими», обворовывающими мать-природу и одновременно старающимися оправдаться перед ней, как-то задобрить ее. Принципиальные хозяйственные капиталистическая и коммунистическая системы в своей эксплуатации утверждают, что «право имеют» природу грабить, губить и насиловать.

При этом Сетницкий особо подчеркивает, что: «...отчетливой и принципиальной разницы в вопросе об эксплуатации между обеими названными системами: капиталистической и коммунистической наметить нельзя. И та, и другая система в основе хозяйственной жизни одинаково видит необходимость удовлетворить потребности человека как такового, в его наличном и современном виде» (Сетницкий, 2010: 549).

3. Под социализмом или коммунизмом Сетницкий без каких-либо пояснений, по-видимому, прежде всего имеет в виду господствующую систему хозяйства советской России.

И все же между этими двумя системами имеются нюансы эксплуатации не столько природы, сколько человека и человеческого общества. По мнению Сетницкого, при капитализме в принципе допускается полная и безоговорочная эксплуатация человека человеком, а при коммунизме для такой эксплуатации полагаются ограничения: эксплуатация человека человеком декларируется недопустимой, запрещаются персонально-эксплуататорские отношения. Поэтому, по Сетницкому, система капитализма — это система принципиальной неограниченной, свободной эксплуатации, а коммунистическая система, являясь также принципиальной системой эксплуатации, все же создает ряд ограничений и норм в отношениях эксплуатации человека человеком.

Иными словами, при капитализме получателем и распорядителем благ может быть каждый эксплуатирующий кого-либо или что-либо. При коммунизме-социализме таким благополучателем является, как правило, коллектив, а распорядителями блага являются представители данного коллектива.

Чрезвычайно интересны дальнейшие размышления Сетницкого об отличиях организации эксплуатации при коммунизме сравнительно с капитализмом.

В коммунизме паразитизм и хищничество отрицаются не только в отдельных частях, но и во всей социальной организации, поэтому откровенно хищнические и паразитические элементы подвергаются особому преследованию. Отрицается само право на их существование. Они старательно загоняются в подполье общественной жизни. В этих условиях характерным для коммунистических систем будет формирование особой организации для борьбы с так называемыми остаточными паразитарно-хищническими явлениями. Но! Энергия этой организации сама по себе не имеет характера продуктивной производственной деятельности. Борясь с паразитарно-хищническими свойствами общественной жизни, такая организация сама превращается в паразитарное образование на теле общества. Ничего не производя, не преобразуя, она для поддержания своей деятельности «...питается и живет от той части, в которой и во имя которой она действует» (Сетницкий, 2010: 554).

А в целом, по Сетницкому, в обеих хозяйственных системах как капитализма, так и коммунизма выделяются и концентрируются паразитические-хищнические группы, при капитализме явные, а при коммунизме замаскированные.

Обращаясь далее к сравнению экономической эффективности двух систем, Сетницкий отмечает, что при коммунизме, как ограниченной системе эксплуатации, затрачивается больше непроизводительной деятельности, направленной на искоренение так называемого внутреннего хищничества.

В дальнейших размышлениях Сетницкого о коммунизме как системе ограниченной эксплуатации можно обнаружить провидческие предсказания ее стагнации и термидорианского

переворота, инициированного паразитарной верхушкой общества ради неограниченной системы эксплуатации.

Более того, Сетницкий предсказывает перманентную, циркулярную борьбу между хозяйственными системами принципиальной ограниченной и неограниченной эксплуатации, когда от их имени приходящие к власти правящие элиты, придерживающиеся противоположных капиталистических или коммунистических взглядов, будут, сменяя друг друга, расширять эксплуатацию человека и природы.

Финальные выводы очерка Сетницкого носят вполне апокалиптический характер: «Таким образом, циркулярно связанные системы принципиальной эксплуатации с неизбежностью создают условия самопоглощения и самоуничтожения. Конечная гибель хищничающих и паразитических организаций есть тот исход, к которому они с неизбежностью стремятся и который с необходимостью наступит в силу самого начала, заложенного в основе самого процесса эксплуатации... Это отношение, санкционирующее вытеснение и уничтожение поколений, и процесс, подготавливающий окончательное падение и истощение окружающей человека среды, и деятельность, обеспечивающая окончательную гибель человечества» (Там же: 574).

По всем этим вопросам — о капитализме, эксплуатации, некапиталистических хозяйственных систем, Чаянов в те же 1920-е годы, но все же несколько ранее Сетницкого, в двух своих сочинениях «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920) и «К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства» (1924) сформулировал собственные суждения в более альтернативно-ироничной и менее фаталистически-серьезной манере, чем Сетницкий.

Что касается капитализма, то Чаянов, конечно, соглашаясь с его громадным значением в преобразовании социально-экономической деятельности современного человечества, тем не менее никогда не признавал за ним никакого окончательного всечеловеческого господства. Один из героев чаяновской утопии, возможно, слишком легкомысленно отзывался о капитализме, как всего лишь о сильном припадке, поразившем в основном городскую обрабатывающую промышленность, но малоспособным оказать воздействие на сельское хозяйство и подчинить его себе. А социализм, по мнению все того же утопического персонажа, «...был зачат как антитеза капитализма; рожденный в застенках германской капиталистической фабрики, выношенный психологией измученного подневольной работой городского пролетариата, поколениями, отвыкшими от всякой индивидуальной творческой работы и мысли, он мог мыслить идеальный строй только как отрицание строя, окружающего его» (Кремнев [Чаянов], 1981: 54). Таким образом, Чаянов скептически относился к исключительному вниманию противопоставления друг другу экономических систем

А. М. Никулин
Николай Сетницкий и Александр Чаянов: об идеалах, эксплуатации, некапиталистических системах и регуляции природы

капитализма и социализма, призывая увидеть в мире человеческой народно-хозяйственной деятельности реальное и потенциальное многообразие.

В чаяновской утопии предсказывается драматическая борьба именно таких разнообразных народно-хозяйственных систем, в которых так же происходит смена либеральных, консервативных, социалистических, народнических элит.

Чаяновский политэкономический трактат «К вопросу теории некапиталистических систем» в более строгой научной форме содержит в себе рассмотрение этой проблематики разнообразия форм хозяйственной деятельности. И на его первых страницах мы обнаруживаем сентенцию, которую можно истолковать как определенный упрек политэкономической теории Сетницкого, в которой основополагающее значение отдается категории «эксплуатация», лежащей якобы в основании любой хозяйственной системы.

Ибо по Чаянову: «...каждая из этих систем по своей природе глубоко индивидуальна, и попытка обобщить все системы в рамках какой-либо одной общеупотребительной теории может породить лишь общие, лишенные смысла фразы вроде известных и идеально типичных “преувеличивающих” констатации фактов, что, мол, во всех системах предприятие стремится добиться максимального эффекта при минимальных затратах, и тому подобные сентенции. Поэтому в теоретической экономике представляется более рациональным для каждого народно-хозяйственного режима разрабатывать частную политическую экономию» (Чаянов, 1989: 115).

Между прочим, в этом своем политэкономическом сочинении Чаянов вообще ни разу не употребил основополагающий термин Сетницкого «эксплуатация». Впрочем, у Чаянова при характеристике крестьянского хозяйства все же встречается термин «самоэксплуатация». Этот термин упоминал и Сетницкий, но опять же в более абстрактно расширительном контексте.

Итак, в отличие от Сетницкого, Чаянов пошел по пути обоснования различных ключевых, системообразующих категорий экономической деятельности, в определенной уникальной комбинации присущих той или иной народнохозяйственной системе. У капитализма как системы, по Чаянову, имеется своя комбинация ключевых экономических категорий, а у других систем — другая комбинация. Иногда одни и те же экономические категории встречаются в различных системах и тогда эти категории могут приобретать иные смыслы. Чтобы почувствовать разницу в политэкономических подходах Сетницкого и Чаянова в понимании и реконструировании хозяйственных систем, отобразим концепцию Сетницкого в форме соответствующей таблицы, а вслед за ней воспроизведем знаменитую сводную таблицу народнохозяйственных систем Чаянова.

Наивные (докапиталистические) системы эксплуатации	Принципиальные (современные) системы эксплуатации
патриархально-земледельческий строй скотоводческие и охотничьи хозяйства формы первобытного коммунизма феодально-земледельческие хозяйства цехово-ремесленные хозяйства другие промежуточные формы хозяйства	капиталистическая система хозяйства коммунистическая система хозяйства

А. М. Никулин
Николай Сетницкий и Александр Чайнов: об идеалах, эксплуатации, некапиталистических системах и регуляции природы

Источник: реконструкция автора статьи.

Сводная таблица народнохозяйственных систем Чайнова

Народно-хозяйственные категории	Народно-хозяйственные системы							
	Капитализм	Семейные формы		Рабовладельческое хозяйство	Оброчное крепостное хозяйство	Феодалы * системы		Коммунизм
		Товарного	Натурального			Помещичье хозяйство	Крестьянское хозяйство	
Цена товара	+	+	—	+	+	+	—	—
Единый недельный трудовой доход семьи	—	+	+	—	+	—	+	—
Технический процесс производства и восстановления средств производства	+	+	+	+	+	—	+	+

Необходимые для поддержания рожима внеэкономические меры принуждения	Государственный производственный план	Цена на землю	Дифференциальная рента	Цена на раба и соотв. на крепостного	Рабовладельческая и соотв. крепостная рента	Заработная плата	Процент на капитал в форме дохода рантье	Авансируемый предпринимателем капитал, циркулирующий по формуле Д-Т-Д+П
—	—	+	+	—	—	+	+	+
—	—	+	+	—	—	—	+	—
+	—	—	—	—	—	—	—	—
+	—	+	+	+	+	+	+	—
+	—	+	2*	+	+	—	+	+
+	—	+	3*	+	+	—	—	—
+	—	—	—	+	+	—	—	—
+	+	—	—	—	—	—	—	—

Источник: Чаянов А. В. (1989). Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика. С. 140.

Мы видим, что хозяйственные системы, по Сетницкому, словно нанизаны на осевое историческое время эксплуатации природы и человека, стремящееся, если не дать делу правильный федоровский ход, к своему апокалиптическому концу. Хозяйственные системы в чаяновской таблице равноположены и равноправны во времени и пространстве, смысл и эволюция их существования не предопределены никаким, в том числе апокалиптическим исходом.

В пояснении к этой таблице Чаянов уделяет и определенное внимание возможностям симбиотических комбинаций различных систем меж собой, а также и вероятностям внутренней трансформации отдельных систем, требующих новых политэкономических объяснений. Например, о перспективах развития различных форм капитализма Чаянов пронизательно отзывался следующим образом: «По всей вероятности, формы непрерывно развивающейся системы трестирования капиталистической промышленности и коммунального капитализма, заявившие о себе в начале XX века, также не улягутся в готовые схемы классической политической экономии и потребуют пересмотра ее положений» (Чаянов, 1989: 142). Действительно монополистический капитализм и капиталистическое государство типа велфер-стейт стали новыми стратегически важными направлениями развития капитализма в XX веке.

Что касается чаяновской характеристики так называемого антипода капитализма — коммунизма, то Чаянов вполне резонно сетовал, что ни Маркс, ни его последователи не создали какой-либо подробной политэкономии коммунизма. Тем не менее, ссылаясь на некоторые замечания Маркса, работы Бухарина и Варги, а главное — революционные опыты коммунистического строительства России и нескольких европейских стран в 1918–1920 годах, Чаянов, прежде всего, подчеркивал, что в коммунистической системе предпринимаются радикальные попытки уничтожить все экономические категории капитализма — капитал, процент на капитал, заработную плату, ренту, но с сохранением и даже усовершенствованием всего технического аппарата современной экономики.

Вся специфическая экономика коммунистического режима заключается в разработке сбалансированного государственного плана потребления и производства общества, существующего как единое государственное домашнее хозяйство.

Исключительно государство определяет уровень благосостояния каждого отдельного работника. Здесь стимулом работника к труду является общественное сознание плюс государственные меры принуждения, иногда определенная премиальная система.

Чаянов завершает свой анализ следующим выводом: «В отличие от всех изученных до сих пор народнохозяйственных систем, которые могут существовать чисто автоматически, элементарно, для поддержания и развития коммунистического экономического

строю согласно государственному плану необходимы непрерывные общественные усилия, а для пресечения возникновения не предусмотренной государственным планом хозяйственной деятельности — целый ряд мер экономического и внеэкономического принуждения» (Там же: 138).

В заключение своего исследования Чайанов приходил к выводу, что, как изучая экономические системы прошлого, настоящего, так и прогнозируя экономические системы будущего, не имеет смысла создавать одну-единственную универсальную теорию народнохозяйственной жизни. Предстоит еще разработка ряда теоретических систем разнообразных социально-экономических укладов, а также их взаимодействия между собой.

Этот политэкономический взгляд он сполна воплотил в своей утопии, где в увлекательной форме изобразил в воображаемом будущем эволюцию сосуществования различных укладов. В его многоукладной стране кооперативно-крестьянской утопии находится локальная ниша и для капиталистического уклада. Капитализм в этой утопии контролируют, но не искореняют, полагая, что капиталистический предпринимательский гений с его хищническим азартом будет с пользой будоражить другие уклады по пословице «На то и щука в воде, чтобы карась не дремал». Таким образом, Чайанов признавал в обозримом будущем XX века некоторые элементы хищничества, которые так критиковал Сетницкий. Утопическая героиня кооперативной Москвы конца XX века влюбилась в прибывшего революционера из капиталистическо-коммунистической Москвы начала XX века именно за то, что он, по ее словам, «...человек необыкновенный, хищный и прекрасный как волк» (Кремнев [Чаянов], 1981: 82). Впрочем, это не удивительно. В чайановской московской утопии 1984 года со всеми другими странами и народами, с точки зрения Сетницкого, должно быть, продолжается «...хищническая, паразитическая *эксплуатация* жизненных ресурсов земли, ничтожных отбросов солнечных энергий...» (Сетницкий, 1933: 188).

Но был в этой утопии упомянут один технократический элемент, который не мог не вызвать искреннего сочувствия и воодушевления Сетницкого. Ведь Чайанов описывал работу в небе России системы аппаратов управления климатом: ветра и дождя. А с точки зрения русского космизма Федорова и его последователей именно планетарная регуляция климата должна стать в будущей эволюции человечества ключевой на пути взаимного антиэксплуататорского, антихищнического, посткапиталистического преобразования природы и общества.

Проектируя направления регуляции

Нам до сих пор неизвестно, знакомы ли были лично Чайанов и Сетницкий, знал ли Чайанов о работах Сетницкого?

Но свидетельством тому, что Сетницкий имел некоторое представление о профессоре Чайнове и его исследованиях, является зачин заключительного раздела IV обширной статьи Сетницкого «СССР, Китай и Япония: Начальные пути регуляции»⁴. Этот свой раздел Сетницкий начинает упоминанием и комментарием ключевых идей чайновского сочинения «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». Он полагает, что чайновская работа интересна именно с точки зрения продолжения федоровских идей регуляции климата, утверждая, что, возможно, и Ленин обратил внимание на чайновскую утопию, проектируя переход к новой экономической политике⁵.

В целом эта статья Сетницкого представляет собой попытку наметить некоторые положительные пути развития человечества на путях регуляции новых взаимоотношений природы и общества. Если в рассмотренных нами двух предыдущих статьях Сетницкий концентрировался прежде всего на критике господствующей в мире капиталистической эксплуатации в развитии идей Федорова, то в этой он пытался наметить, говоря его же собственным языком, пути возникновения и развития нового целостного общественного идеала. В отличие от первых двух работ Сетницкого, носивших преимущественно абстрактный политэкономический характер, междисциплинарная работа содержит в себе также разнообразные оригинальные идеи в области российской международной экономической и политической географии, геополитики как экполитики и сопровождается рядом авторских футурологических прогнозов и выводов.

Сетницкий уделяет особое внимание и перечню технологических и технократических проектов в СССР и за рубежом, связанных с проектами регулирования природопользования. Ведь именно на этих путях, полагал Сетницкий, надо искать исхода из эры воинственной эксплуатации природы и человека в эру их мирной регуляции.

Кратко характеризуя эту экологическо-технократическую часть работы, надо отметить ценный обзор Сетницкого истории проектов ирригации и попыток искусственного вызывания дождя в СССР 1920–1930-х годов. В этой же связи он обращался к анализу «Плана капитальных работ СССР» (Сетницкий, 1933: 200), в котором четко ставилась задача борьбы с экспансией

4. Статья эта, написанная в 1933 году, являет собой последний опубликованный обширный фрагмент незавершенной книги Сетницкого «Эксплуатация или регуляция».
5. Сетницкий и ранее, еще в начале 1920-х годов упоминал утопию Чайнова, например, в своей лекции о Чайнове и Уэллсе. См.: Сетницкий Н. А. [Конспект лекции]. Московский архив А. К. Горского и Н. А. Сетницкого. Папка 22.

«языка пустыни», «вылизывавшего» влагу земель Юга России, приводя к иссушению и обезлесиванию ее плодородных почв «от Волги до Днестра и от Урала до Полесья» (Там же). Ссылаясь еще на дореволюционные почвоведческие исследования В. В. Докучаева, А. С. Ермолова и ряда других ученых, Сетницкий связывал большие надежды с советскими программами пятилеток по восстановлению и развитию ирригационных систем Средней Азии, Юга Поволжья и Украины, бережно перечислял публикации по искусственному дождеванию, с энтузиазмом упоминал создание в 1932 году Института искусственного дождя, призванного осуществить «вызывание дождя в засушливых районах», «искусственное прекращение затяжных дождей в районах с избыточной влажностью», «стабилизацию облаков», «борьбу с туманами — на аэродромах, в гаванях и городах», «искусственное образование туманов для борьбы с заморозками», «борьбу с градобитием» и так далее. Особо здесь надо отметить по-федоровски бережное отношение Сетницкого к учету предшествующего, порой древнего удачного и неудачного опыта человечества в его ирригационных проектах борьбы со смертельным зноем пустыни. В этой связи Сетницкий упоминал об исчезнувшем поясе средневековых оазисов, тянувшемся в свое время от Афганистана до Каспийского моря, когда, по словам цитируемого Сетницким арабского автора, «кошка от Калькутты до Каспия могла пройти, не замавав лапок» (Сетницкий, 1933: 200): прогуливаясь по крышам домов густонаселенных оазисов Центральной Азии. И теперь Сетницкий всячески поддерживал идею создания даже трех подобных обширных поясов оазисов СССР: на Юге Украины, в Центральном и Южном Поволжье и особенно в Средней Азии. Он предлагал поддержать проектирование и сооружение обширных ирригационных систем, направляющих течение вод Амударьи не только в Арал, но и в Каспийское море, утверждая, что в древние оазисные времена не только Волга, но и Амударья впадала в Каспий (Там же: 204).

И здесь от экономической географии Сетницкий обращался уже к географии политической. Он отмечал, во-первых, что проектирование и реализация подобного рода амбициозных ирригационно-дождевальных проектов, безусловно, потребует тесного международного, межгосударственного сотрудничества. Например, «язык пустыни», с которым были призваны бороться три советских пояса оазисов (украинский, поволжский и туркестанский), находился даже не в пустынях советской, а в китайской Азии. Значит, для действительно эффективной борьбы с этим «языком» предстояло объединить государственные усилия экологического ирригационного сотрудничества СССР и Китая. В свою очередь, дождевые осадки над Азией, по мнению Сетницкого, в значительной степени зависели

от непредсказуемого поведения могучего тихоокеанского муссона. И тогда уже в проектах, опытах регулирования климата гигантских дождевых тихоокеанских масс должна была бы к континентальным СССР и Китаю подключиться островная Япония.

Мы, конечно, помним, что именно в это время между этими тремя странами существовали чрезвычайно напряженные политические отношения, в ближайшее десятилетие обернувшиеся для них чередой как локальных военных конфликтов, так и полномасштабных войн. Сетницкий же как раз и подчеркивал, что нужно помнить об экологической уязвимости обширных ирригационных систем ввиду разрушительных военных действий (Сетницкий, 1933: 208). И именно в этой связи он в определенной степени надеялся, что разработка подобного рода экологических проектов будет способствовать перековке мечей милитаризации на орала регуляции.

По-видимому, и к сожалению, Сетницкий не был знаком с двумя другими более поздними работами Чайнова «Проблема урожая» (1926) и «Возможное будущее сельского хозяйства» (1928), которые имели непосредственное отношение к проблематике регуляции природы и общественной жизни (Проблемы урожая, 1926; Чайнов, 1928: 260–285). Мы не будем подробно анализировать эти чайновские тексты, так как в значительной степени такая работа уже проделана нами (Никулин, 2020).

Отметим лишь, что в своих метеорологических и футурологических прогнозах Чайнов был более строго академичен и систематичен. Его тексты содержат в десятки раз больше, чем статья Сетницкого, библиографических ссылок на специализированные труды российских и зарубежных ученых в области отраслевых сельскохозяйственных наук и метеорологии. В чайновских работах отсутствует геополитика, но в значительной степени проработана возможная футуристическая экономическая география сельской России, а также возможные технологические этапы будущего прогресса в производстве продовольствия всего мира. Так, например, предсказываются не только направления прогнозирования погоды и управления ею в будущем, но эволюция взаимоотношений города и деревни, связанных с перспективами производства искусственного продовольствия и развития возобновляемой солнечной и ветровой энергетики.

Снова обращаясь к геополитическим аспектам статьи Сетницкого, отметим его пронизательный анализ роли СССР среди экономик стран мира и следующие из этого анализа выводы. Сетницкий на основе сравнения межстрановых ключевых экономических показателей считал, что Советская Россия находится по уровню экономического развития где-то в середине, сохраняя в своей народнохозяйственной системе

многие черты, сходные не столько со странами Запада, сколько со странами Азии. Он полагал, что следующей стратегической целью Советского Союза после осуществления индустриализации и обретения на основе этого политической и экономической самостоятельности, должны стать именно комплексные проекты преобразования природы нашей планеты в союзе с упомянутыми Китаем, Японией и, возможно, другими странами Азии, прежде всего для решения вопросов всемирной продовольственной безопасности. Определенным образом такое видение ситуации близко к тезисам аналитической записки А. В. Чаянова В. М. Молотову (1927) (Чаянов, 1989: 210–219).

В своем обращении к Молотову Чаянов также отмечал, что и по уровню развития и институциональной организации сельского хозяйства СССР находится где-то посередине между Востоком и Западом, США и Китаем. Чаянов предлагал также учитывать это непростое, но уникальное положение советской сельской России, если страна будет двигаться по крестьянско-кооперативному пути развития, являющемуся чрезвычайно актуальным для большинства сельских регионов мира.

Заключение

В своих политэкономических работах и футурологических проектах Сетницкий и Чаянов поставили ряд вопросов в области экономики, политики, экологии, остающихся актуальными и для нашего времени. Целый ряд направлений так называемого «великого сталинского плана преобразования природы» 1940–1950-х годов, а также политики сотрудничества СССР с развивающимися странами в XX веке, или сотрудничества со странами БРИКС, Глобального Юга в XXI веке были в определенной степени предсказаны Сетницким и Чаяновым.

Предложения Сетницкого и Чаянова по регулированию природы с высоты нашего времени могут показаться слишком оптимистическими, наивными и неосторожными. Например, несмотря на безусловные успехи в прогнозировании погоды, человечеству до сих пор не удается в каких-либо широких масштабах устойчиво контролировать климат и управлять им. А некоторые реализованные амбициозные проекты преобразования природы в СССР и за рубежом часто оборачивались непредсказуемо негативными экологическими последствиями. Так, развитие ирригации вокруг Амударьи привело к почти полному исчезновению Аральского моря. Кстати, Чаянов даже предсказывал подобное исчезновение Арала со всем его рыболовством, но вряд ли он предполагал еще целую цепь негативных экологических последствий от такого исчезновения.

Что ж, в таком случае нам стоит вспомнить подзаголовок последней статьи Сетницкого: «Начальные пути регуляции». Действительно в начале XX века антропогенное воздействие человека всерьез только начиналось. Хотя человечество уже всю амбициозно заявляло о себе в планетарных проектах радикального преобразования природы, но при этом фактически двигалось часто вслепую, методом проб и ошибок. Тем более что стремительно ускоряющееся антропогенное воздействие на регионы Земли до сих пор мало сопровождается так необходимой глубокой гуманистической перестройкой регуляции общественных институтов и человеческих душ.

В этой связи неоднозначно сложными остаются оценки Чайновым и Сетницким динамики развития капитализма и некапиталистических систем в различных симбиотически-конгломератных сочетаниях паразитизма, хищничества и эксплуатации, продолжающих свое существование и по сию пору. Капитализм, несмотря на все сотрясающие его кризисы, продемонстрировал изрядную способность к трансформации, он по-прежнему в основном господствует на планете и даже стремится быть во главе «зеленой повестки» борьбы с глобальным потеплением (Никулин, 2018: 555–566). Вместе с тем вокруг капитализма и даже внутри его также развиваются различные некапиталистические, неформальные, эксплоярные экономические системы (Неформальная экономика, 1999).

Сравнение социально-философских, политэкономических и экологических интуиций экономистов Чайнова и Сетницкого для нас важно еще и потому, что их мировоззрения покоились на различных экзистенциально-ценностных основаниях.

Применив известную метафору Исайи Берлина о разделении интеллектуалов по принципу «лисицы» и «ежа», где «лисица» оперирует огромным множеством разнообразных идей, комбинируя их меж собой, а «еж» тем временем думает себе одну великую думу, исходя из нее во всех случаях жизни, мы можем сказать, что Чайнов по характеру своей интеллектуальной деятельности был «лисом», а Сетницкий — «ежом» (Берлин, 2002: 513–595). Чайнов неутомимо исследовал и комбинировал в своем творчестве многоукладность социальной жизни, являясь преимущественно агностиком-релятивистом. Сетницкий во главу своих интеллектуальных занятий поставил принципы федоровского общего дела, будучи православным максималистом.

Сложение и сравнение этих в значительной степени полярных интеллектуально-нравственных подходов, возможно, послужит при поиске обоснования некоего срединного пути (так называемых теорий среднего уровня), ради моделирования новых идеалов взаимодействия человека, общества и природы. Или, как писал все тот же современник Чайнова и Сетницкого Устрялов, погибший, как и они, в 1937 году: «А если все же настаивать

на какой-то временной “точке”, в которой гнездится мнимый “идеал”, то где порука, что эта точка должна быть в конце, а не в середине? В конце имеет обыкновение располагаться не совершенство, а смерть. Расцвет, разгар, апогей — скорее всего подходит именно середине» (Устрялов, 1931: 21). Впрочем, тут Сетницкий мог бы возразить, что середина — это излюбленная мечта drobных идеалов, которые в конце полагают лишь смерть. Целостный идеал в финальном конце обязательно провидит начало вечной жизни.

Библиография

- Берлин И. (2002). Ёж и лисица (Об исторических взглядах Л. Н. Толстого) // Подлинная цель познания. Избранные эссе. М.: Канон+. С. 513-595.
- Кремнев (А. Чаянов) (1981). Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. Серебряный век. Нью-Йорк.
- Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. (1999). М.: Логос.
- Никулин А. М. (2020). Школа Чаянова: утопия и сельское развитие. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Никулин А. М. (2018). Через «озеленение» капитализма к спасению мира? // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 18. № 3. С. 555-566.
- Проблемы урожая (1926): Сборник статей / Под ред. А. В. Чаянова. М.: Экономическая жизнь.
- Сетницкий Н. А. (1926). Капиталистический строй в изображении Н. Ф. Федорова. Харбин.
- Сетницкий Н. А. (1928). Эксплоатация: Очерк // Известия юридического факультета. Т. 5. Харбин. С. 215–258.
- Сетницкий Н. А. (1930). Соевые бобы на мировом рынке. Эконом. Бюро Кит. Вост. жел. дор. Харбин.
- Сетницкий Н. А. (1932). О конечном идеале. Харбин.
- Сетницкий Н. А. (1933). СССР, Китай и Япония: Начальные пути регуляции. Харбин. 1933 // Известия юридического факультета. Харбин. Т. 10. С. 187-247.
- Сетницкий Н. А. (2010). Избранные сочинения. [Сост., автор вступ. ст., коммент. А. Г. Гачева]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Устрялов Н. В. (1931). Проблема прогресса. Харбин.
- Чаянов А. В. (1928). Возможное будущее сельского хозяйства // Жизнь и техника будущего. Социальные и научно-технические утопии. М.; Л.: Московский рабочий. С. 260-285.
- Чаянов А. В. (1989). Письмо В. М. Молотову; Записка о современном состоянии сельского хозяйства СССР по сравнению его с довоенным положением и положением сельского хозяйства капиталистических стран [1927] // Известия ЦК КПСС. № 6. С. 210-219.
- Чаянов А. В. (1989). Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: «Экономика».

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: harmina@yandex.ru

Abstract. The author conducts a comparative biographical analysis to consider the social-philosophical and political-economic views and the interdisciplinary intellectual heritage of the remarkable Russian scientists N. A. Setnitsky and A. V. Chayanov on the ideals of social development, features of capitalist and non-capitalist economic systems, issues of regulating the relationship between man and nature in the 1920s–1930s. The article identifies the fundamental worldview ideas of the “agrarian-relativist” Chayanov and the “apocalyptic cosmist” Setnitsky, which determined their theoretical-methodological approaches to the cognition and transformation of reality, focusing on the comparative analytical assessment of their utopian and futurological forecasts and projects. The author concludes about the significance of the intellectual heritage of Setnitsky and Chayanov for the study of contemporary political, economic and environmental issues in Russia and the world.

Key words: N. A. Setnitsky, A. V. Chayanov, capitalism, non-capitalist systems, city, village, exploitation, nature, utopia, cosmism

References

- Berlin I. (2002) *Ezh i lisitsa (Ob istoricheskikh vzglyadah L. N. Tolstogo)* [The hedgehog and the fox: An essay on Tolstoy's view of history]. *Podlinnaya tsel poznaniya. Izbrannye esse*, Moscow: Kanon+, pp. 513–595.
- Kremnev (A. Chayanov) (1981) *Puteshestvie moego brata Alekseya v stranu krestyanskoj utopii. Serebryany vek* [The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia, Silver Age], New York.
- Neformalnaya ekonomika* (1999): *Rossiya i mir* [Informal Economy: Russia and the World] (Ed. by T. Shanin), Moscow: Logos.
- Nikulin A. M. (2020) *Shkola Chayanova: utopiya i selskoe razvitie* [Chayanov's School: Utopia and Rural Development.], Moscow: Izdatelsky dom “Delo” RANKhiGS.
- Nikulin A. M. (2018) Cherez “ozelenenie” kapitalizma k spaseniyu mira? [“Green” capitalism as a way to save the world?]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 18, no 3, pp. 555–566.
- Problemy urozhaya* (1926) [Harvest Issues] (Ed. by A. V. Chayanov), Moscow: Ekonomicheskaya zhizn.
- Setnitsky N. A. (1926) *Kapitalistichesky stroy v izobrazhenii N. F. Fedorova* [Capitalist System as Described by N. F. Fedorov], Harbin.
- Setnitsky N. A. (1928) *Ekspluatatsiya: Oчерk* [Exploitation: An essay]. *Izvestiya Yuridicheskogo Fakulteta*, vol. 5, pp. 215–258.
- Setnitsky N. A. (1930) *Soevye boby na mirovom rynke* [Soybeans on the World Market], Ekonomicheskoe Byuro Kitaisko-Vostochnoy zheleznoy dorog Harbin.
- Setnitsky N. A. (1932) *O konechnom ideale* [On the Final Ideal], Harbin.
- Setnitsky N. A. (1933) SSSR, Kitay i Yaponiya: Nachalnye puti regulyatsii [USSR, China and Japan: Initial regulation paths]. *Izvestiya Yuridicheskogo Fakulteta*, vol. 10, pp. 187–247.
- Setnitsky N. A. (2010) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. (Sost., avtor vstup. st., komment. A. G. Gacheva), Moscow: ROSSPEN.

---

6. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program

- Ustryalov N. V. (1931) *Problema progressa* [The Question of Progress], Harbin.
- Chayanov A. V. (1928) *Vozmozhnoe budushchee selskogo khozyaystva* [Possible future of agriculture]. *Zhizn i tekhnika budushchego. Sotsialnye i nauchno-tekhnicheskie utopii*, Moscow–Leningrad: Moskovsky rabochy, pp. 260–285.
- Chayanov A. V. (1989) Pismo V. M. Molotovu: Zapiska o sovremennom sostoyanii selskogo khozyaystva SSSR po sravneniyu ego s dovoennym polozheniem i polozheniem selskogo khozyaystva kapitalisticheskikh stran [1927] [Letter from A. V. Chayanov to V. M. Molotov on the current state of agriculture in the USSR compared with its pre-war state and the situation in agriculture of capitalist countries]. *Izvestiya TsK KPSS*, no 6, pp. 210–219.
- Chayanov A. V. (1989) *Krestyanskoe khozyaystvo. Izbrannye trudy* [Peasant Economy. Selected Works], Moscow: “Ekonomika”.